

★ ЛУЧШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ★

ДЕТЕКТИВ

АНДРЕЙ
ДЫШЕВ

【 СВОБОДА ДАРОМ НЕ НУЖНА 】

Андрей Михайлович Дышев
Свобода даром не нужна
Серия «Щекочу нервы. Дорого», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3915375
Свобода даром не нужна: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57454-4

Аннотация

Преуспевающего молодого бизнесмена Артема Кабанова в бессознательном состоянии сбрасывают в глубокий подвал, где обитает колония бомжей. Здесь современные рабы вышивают, вяжут, рисуют, словом, производят товар, за который получают от своего хозяина воду и пищу. Подземная колония живет как маленькое государство, очень напоминающее Россию со всеми ее недостатками и пороками... Кабанов, опущенный на самое социальное дно, мечтает о свободе, о той пьянящей свободе, которой у него, как и денег, когда-то было в избытке. Он долго и тщательно готовит побег и наконец вырывается на волю. Но если бы он знал, чем это для него обернется!

Книга также выходила под названием «Могила в пожизненное пользование».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Дышев

Свобода даром не нужна

Глава 1

Кариуфорония стояла у него в горле. Ее, словно Атлант, подпирала гедза с креветками. Еще ниже, в тесном желудке, томилась жирная и тяжелая, как сырой бетон, ла-баньеса... Кабанов трижды за минувший вечер заходил в ресторан, выбирал столик в самой середине зала и рассеянно листал плотные, защищенные пластиком страницы меню. Он вовсе не был голоден. Мало того, его уже тошнило от еды. Тяжелый, как туристский рюкзак, желудок беспардонно вытеснил со своих законных мест внутренности: подвинул в сторону печень, загнал куда-то под легочный мешок сердце, да еще придавил своей тяжестью селезенку. Пахан на зоне ведет себя не столь вызывающе и нагло. Последним блюдом, которое заказал Кабанов (шел уже пятый час утра), был монастырский гювеч. Но гювеча съедено было только две ложки. Сдвинув горшочек на край стола, Кабанов громко икнул и сказал сам себе: «Все. Я больше не могу. Сейчас лопну!»

Но ему все равно чего-то хотелось, и это неутоленное желание, призрачное, как утренний туман, было мучительным. Тем более мучительным, что Кабанов располагал приличной суммой денег, шальных и легких денег, на которые можно было купить все, что угодно. Проблема состояла только в том, что Кабанов не мог определить, чего ему еще хочется и как сделать так, чтобы чего-нибудь захотеть.

Он спустился в большой игровой зал, выгреб из кармана оставшиеся фишки, небрежно кинул их на зеленое поле, словно пивные пробки в мусор. Никого он своей игрой не удивил, потому как все смотрели на двух китайцев, которые уже несколько часов подряд то выигрывали, то проигрывали у рулетки, и поединок их был захватывающим и динамичным.

Страдая от недостатка воздуха в стесненных легких, Кабанов поманил к себе юношу в малиновом жилете с подносом в руках, выбрал похожий на шахматную ладью бокал с коньяком, сделал глоток, но коньяк добрался только до начала пищевода и там безнадежно застрял.

Как обидно, что у человека такой маленький желудок! Кабанов, скорчив гримасу, поставил бокал на поднос и посмотрел по сторонам, чтобы найти, куда сплюнуть. У него столько денег! Ему хочется потратить их! Но на что? Ночь подходит к концу, и скоро придется ехать домой. А там хоть и красивая, но избалованная жена, которая любит выворачивать его карманы. Она знает, на что тратить деньги. Она без запинки может перечислить два десятка расходных статей: ей нужны две дюжины сеансов в солярий, столько же в сауну, к визажисту, к стоматологу, к пластическому хирургу, к модельеру, на массаж, на пирсинг, а также требуется обновить осенние сапоги, и Ромочке нужны новые ботинки, и давно пора поменять кухонный гарнитур, и надо материально помочь маме, и Ромочка просит новую роликовую доску, а к ней еще нужны наколенники и налокотники и... и... и в том же духе долго и бесконечно. Какая тоска!

Кабанов оглядел зал, стараясь не встречаться с цепкими взглядами проституток, занявших позиции по периметру зала, как снайперы. Их услуги он востребовал после второго посещения ресторана, когда часы показывали час ночи. Словоохотливая, с клоунским голосом девица, поддерживая его под руку, отвела в комнатнушку, напоминающую медицинский пункт (более-менее чисто, кафельная плитка, топчан и рукомойник), где реанимировала желания Кабанова с отчаянностью фронтовой медсестры, спасающей бойца. Но подлый желудок, видимо, придавил своей неподъемной тяжестью не только кабановскую селезенку.

Кабанову по карману было обложить себя путанами, как горчичиками, но подобно тому, как переполненный желудок уже не принимал еду, так и прочие органы не выказывали никаких желаний. Девица, оказавшись невестребованной, гонорар тем не менее получила баснословно щедрый и передала Кабанова под неусыпный контроль своих подруг. Своими повадками подруги напоминали гиен, которые хоть и объедки пасут, зато объедки жирные и кускастые.

Казино постепенно пустело. Наступил понедельник, короткий рабочий день – не до шести утра, как обычно, а до пяти. Крупье, официанты и путаны теряли к засыпающим клиентам интерес и все чаще отвлекались на подсчет выручки. В игровом зале появились уборщики, суетливые и ловкие, как тараканы. Они приводили в действие какие-то механизмы, то ли полотеры, то ли пылесосы, то ли гибриды того и другого. Мясистые представители службы безопасности, скрывающие за доброжелательными улыбками свою садистскую и человеконенавистническую сущность, спрашивали у клиентов, не желают ли они покинуть заведение. Никто не отказывался.

У Кабанова появилось странное чувство, будто он не доел, не допил, не сделал еще кучу интересных и приятных дел, хотя по-прежнему был раздут, как дирижабль. С досадой направился он к выходу, облепленному назойливыми таксистами. От них воняло бензином и потом, и Кабанов брезгливо морщил нос.

– Спасибо, – походя отвечал он. – Но как-нибудь обойдусь без твоего грязного корыта... Спасибо, спасибо, на консервной банке ездите сам...

В дверях он дал швейцару чаевые – первую попавшуюся купюру, которую нащупал в пиджаке. Думал, что это сторублевка, но оказалось сто баксов. Швейцар настолько ошалел от такой невиданной щедрости, что ахнул и тотчас принялся целовать руку Кабанова. Отбирать баксы было поздно. Сетуя на свою оплошность и в то же время получая удовольствие от небывало широкого жеста, Кабанов сел за руль «Мерседеса», запустил двигатель, магнитолу, кондиционер, видак, а также навигационный прибор для определения своего местонахождения GPS. Приборная панель мерцала и искрилась, колонки содрогались от музыки. Кабанова окружала дорогая аппаратура, кожа сидений и изящество дизайна. Он открыл крышку мини-бара, налил в бокал немного кампари цвета марганцовки, но выпить опять не смог. Тогда он просто стал держать бокал в руке, и в этом держании тоже был отпечаток богатства и утонченности.

Перед фарами прошла большеротая, похожая на Щелкунчика, девица, и Кабанов ее сразу узнал. Это она насаждала ему удовольствие со стоицизмом фронтовой медсестры. Кабанов коротко бякнул сигналом, опустил стекло.

– Киска! – позвал он.

Но киска свою смену отработала, она уже пересекла проходную родного предприятия и, неукоснительно соблюдая режим труда и отдыха, сделала вид, что не узнает Кабанова и не понимает, чего он от нее хочет. «Хоть бы педикюр сделала! – подумал Кабанов, провожая ее взглядом. – Пятки желтые, как горбушка батона. И синяк на лодыжке... Замухрышка какая-то!»

Он медленно поехал по темной улице, в дальней перспективе которой перемигивались желтые огни светофора. Управлял лениво, одним пальчиком, будто и не управлял вовсе, а лишь подсказывал машине, куда и с какой скоростью ехать. Чувство неудовлетворенности не проходило. Так рано он из казино еще никогда не возвращался. Обычно только без пяти минут шесть утра он выходил на улицу и садился за руль. Кабанову надо было ехать все время прямо, где находился его микрорайон Мурыжино, но на первом перекрестке он свернул. Хотелось оттянуть тот момент, когда он откроет ключом дверь квартиры и окажется среди опостылевших стен, где сонно бурчит жена, пахнет рыбными котлетами, валяются под ногами вечно грязные ботинки Ромочки, где забит продуктовыми коробками холодильник и

в раковине засыхает гора грязной посуды, ожидая утреннего прихода уборщицы. И Кабанов разденется в ванной, упершись животом в край раковины, прильнет к зеркалу и станет рассматривать свои опухшие свинячьи глазки, обрамленные белесыми ресницами. А утром его станет пилить жена, упрекать за то, что он уже совсем дома не живет, и сыном не занимается, и ожирел так, что каждый месяц приходится покупать новые брюки; и сын, подражая матери, станет ему дерзить, смотреть на него с презрением и требовательным тоном просить у него денег на новый мобильник с функциями поддержки SSM, GPPK и JJTF.

Сейчас Кабанов принадлежал сам себе и потому был почти счастлив. Роскошная машина тихо везла его по спящему городу. Милиционеры провожали его завистливыми и злобными взглядами – останавливать его у них не было повода. Ночные бабочки махали ему из всех щелей своими замусоленными крылышками. Водители других машин, обгоняя Кабанова, смотрели на него подобострастно и робко: не обидится ли, если позволим себе обогнать?

Нет, Кабанов не обижался, сейчас он был великодушен. Если бы по дороге попался нищий, Кабанов дал бы ему денег. Много денег! Но нищие в этот предрассветный час спали в своих лачугах, берлогах и подвалах и даже не догадывались, какое счастье они упустили.

Так Кабанов катился по сырым затуманенным улочкам, сворачивая без всякой цели то налево, то направо, пока не обнаружил, что выкатился за пределы города. Он придавил педаль газа, и машина помчалась по пустынному шоссе, по обеим сторонам которого проявлялись контуры леса. Трудно сказать, сколько времени Кабанов упивался скоростью, но притормозил он лишь тогда, когда увидел идущего по обочине деревенского старика в пиджаке, кепке и кирзовых сапогах. Старик, услышав шум мотора, остановился и стал махать большой и расплюсченной ладонью. Наверное, в утреннем тумане сверкающий, аки полированный агат, «Мерседес» представился ему или запряженной телегой, или сельским автобусом. Только так можно было объяснить необыкновенную дерзость селянина, осмелившегося махать рукой столь дорогой машине.

И тут Кабанов, которого все еще терзали неопределенные смутные желания, удивил сам себя. Он съехал на обочину и остановился. Барабанил пальцами по кожаной оплетке руля, смотрел в боковое зеркало на старика, который спешил к машине. Он шаркал тяжелыми сапогами, поднимая пыль, да все время поправлял кепку, насаживая ее покрепче на коричневый сморщенный лоб. Наконец предрассветный путник приблизился к машине, склонился перед тонированным стеклом, посмотрел на свое отражение и робко постучал костяшкой пальца.

– Эй, дедуля, я тут! – отозвался Кабанов из другого окна.

Старичок обошел машину, отыскивая того, кто подал голос, и Кабанов успел рассмотреть его неопределенного цвета брюки и сморщенный на спине пиджак. Главное, чтобы не вымазал навозом сиденья. А коврик почистят на ближайшей автомойке. Интересно, этот ходячий этнографический экспонат осознает, рядом с какой машиной он ходит?

– До Кукушкина довезешь? – спросил старичок, пригибаясь к лицу Кабанова.

– А где это твое Кукушкино? – спросил Кабанов приветливо, с интересом рассматривая аборигена и пытаясь разглядеть в его глазах отражение этой до нелепости неправдоподобной ситуации.

– А недалеко! – как ни в чем не бывало отвечал старичок, махнув рукой в сторону леса. – Немножко проехать по большаку до Пашнева, а оттуда через ферму на Закуток, и как раз будет поворот на Кукушкино.

– А моя машина там проедет? – спросил Кабанов, делая ударение на слове «моя».

– А чего ж не проедет? Колеса ж есть, – улыбаясь наивности водителя, ответил старичок.

Нет, до него еще не доходило, какая машина снизошла к нему в этот ранний час на этой захолустной дороге. Может, он плохо видел и потому решил, что остановил трактор «Беларусь»? Или же бедность и отсталость его были столь велики, что он вообще не был способен оценить ту колоссальную роскошь, рядом с которой он вот так запросто стоял?

– Ну, садись, – разрешил Кабанов, открывая дверь.

Старичок кряхтел и втягивал голову в плечи, забираясь на сиденье. Кабанов смотрел на его грязные сапоги, сердце сжималось от жалости к безупречной чистоте порожков и коврика, но все же происходящее его забавляло намного больше, чем печалило.

– Ну как? – заботливо спрашивал он, сенсорными кнопками управляя положением сиденья. – Удобно, дедуля?

– Да ничо, – отвечал пассажир, без особого любопытства осматривая мерцающую разноцветьем приборную панель.

– Небось на такой машине даже во сне не катался?

– А чего ж не катался? – неопределенно возразил старичок.

– Ты хоть знаешь, как она называется? – допытывался Кабанов, включая вентилятор обдува салона, чтобы не так сильно пахло крепким самосадом и застарелым потом.

– А как ей еще называться? Машина, она и есть машина.

Деревня! Кабанов объяснил пассажиру, что его машина называется «Мерседес», с чем пассажир легко согласился и стал тыкать пальцем в стекло, показывая, куда надо свернуть. Другого ожидал Кабанов, когда подобрал на обочине дремучего человека. Думал, что тот почувствует себя так, как Золушка на королевском балу. Из навозной кучи – к звезде. Калиф на час. Но пассажир оказался уж слишком дремучим, как горилла, которой что клетка в зоопарке, что салон «Мерседеса» – один хрен.

Но высаживать старика не стал. Раз уж решил свеликодушничать, так надо терпеть до Кукушкина. Съехали на грунтовку. Мужичок рассказал, что вчера вечером пошел смотреть новую делянку под сенокос и заночевал у свата в Пашневе. Теперь, значит, домой направляется. Кабанов не слушал его вовсе, жизнь этого потомственного селянина была ему интересна в той же мере, как и жизнь дождевого червя.

– Кондишн, – комментировал Кабанов, напуская в салон холод поворотом ребристого колесика на панели. – Лазерный сидюшник энд дивидишник, – пояснял он, указательным пальцем отправляя в тонкую щель радужный диск. – Бортовой комп, – представлял он дядьке зеленый дисплей и нажимал при этом на светящиеся кнопки. – Показывает режимы, температуру, рассчитывает время прибытия и расход топлива...

Абориген следил за пальцем Кабанова, но ничему не удивлялся. Заметно посветлело. Часы бортового компьютера показывали без трех минут шесть. С полей на дорогу рваными волнами выплескивался туман. Кабанов снизил скорость. Машина словно плыла в каком-то нереальном пространстве, где не было ни неба, ни земли. Кабанову захотелось по малой нужде. Он остановился посреди дороги, не беспокоясь о том, что может кому-то помешать – тут, похоже, вообще машины не ездили, – на всякий случай выдернул ключи и вышел.

Вокруг стояла глухая тишина. Поеживаясь от сырого холода и начиная неудержимо зевать, Кабанов отошел на обочину, да там была грязная лужа, и брызги могли попасть на брюки. Кабанов перешел на другую сторону дороги, спустился на пружинистую пастбищную травку и прицелился на куст репейника... Благодать! А воздух какой! А тишина! Экология! Это здесь, наверное, водятся коровы, которые говорят человеческим голосом: «Дети, идите пить молоко!» К озорному журчанию присовокупился мелодичный перелив кабановских часов: пробило ровно шесть.

И тут за спиной ка-а-а-ак шарахнет! Оглушительный взрыв кинул его вперед, на мокрый репейник. Кабанов едва успел выставить руки, в которые тотчас впились колючки. Он повалился на траву, над его головой что-то просвистело, и рядом, сотрясая землю, упало

дымящееся колесо, звонко подпрыгнуло и, вихляя, покатилося в туман. Удушливый дым, маскируясь под туман, накрыл Кабанова, и он закашлялся, давясь слюной. Перевернувшись на бок, он обернулся. На том месте, где только что стояла его машина, чадила груда рваного железа. Оба передних колеса раздвинулись, словно крылышки. Задних не было. Дверь, смятая, как фольга от шоколадки, болталась на одной петле.

– Моя машина! – едва смог произнести Кабанов, поднимаясь на ноги.

Он сделал несколько шагов к дороге, очумело глядя на черное безобразие, подменившее собой его роскошный «Мерседес». Произошедшее не укладывалось в его голове, ибо было необъятным по масштабам. Кабанов принялся машинально ощупывать себя, словно хотел определить, осталось ли что-нибудь от него самого или же вместе с машиной сгорели одежда, ботинки, тело, руки и ноги. Он не пытался найти какое-либо объяснение страшному безобразию. Версия родилась как бы сама собой и мгновенно затвердела, превратившись в стойкое убеждение: это старик, падла, что-то натворил! Это он тронул какую-то непозволительную кнопку на панели, или сунул окурочек в бензобак, или одновременно включил первую передачу и задний ход, оттого машину разорвало... Кабанов задним умом понимал, что это бредовая чушь, что дремучему аборигену не по силам было бы запустить этот вулкан, но вопль ужаса и отчаяния нужно было кому-то адресовать. И Кабанов, стиснув кулаки, пошел прямо на чадающее жерло.

– Ты где, дебил унавоженный?! – страшно кричал Кабанов. – Что ты наделал, подсолнух ты вялый!!

Поиски пассажира могли продолжаться неопределенно долго, если бы Кабанов не наступил на что-то мягкое, пружинистое, по консистенции напоминающее наполненную водой грелку. Опустив глаза вниз, он утробно гыкнул и отскочил в сторону. На траве лежала обугленная человеческая рука с желтоватыми, неровно обломанными ногтями. В самой руке ничего страшного не было, но Кабанов только представил на мгновение, какая участь постигла оставшиеся элементы стариковского тела, и схватился за голову.

– Это что, блин... Это что... – забормотал он, чувствуя, что ему становится дурно, кружится голова, тошнит и мысли стремительно покидают черепную коробку, словно голуби тесную клетку.

Глава 2

Потом весь мир, который он мог осознавать, заволокло густым туманом, и все исчезло. Покинутая Кабановым реальность, впрочем, время от времени легкими прикосновениями напоминала о себе: то скрипом телеги, то пряным запахом сена. Тело Кабанова занемело, особенно руки, он не чувствовал их и потому не мог определить своего положения в пространстве. Он не мог понять, стоит он, сидит или лежит. А быть может, висит вниз головой, словно летучая мышь? Во рту было сухо, тяжело, язык не поворачивался. Так бывало, если Кабанов накануне чрезмерно много выпивал водки. Несколько раз он пытался изменить положение головы, но тотчас ударялся затылком о какой-то предмет. Может быть, это вовсе не он ударялся, а его ударяли, но разобраться в этом было решительно невозможно.

Время, похожее на лохмотья старой одежды, лишь отчасти прикрывало провалившееся куда-то сознание Кабанова. Временами он переставал воспринимать себя как личность, а бывало, что он совершенно отчетливо чувствовал, как щекочет ноздрю пробравшаяся туда соломинка. Потом вдруг на него нахлынула тревога за чистоту костюма, и Кабанов пытался занять такое положение в пространстве, чтобы поменьше пачкать его, если вокруг не слишком убрано... «Может, я в больнице?» – мелькнула в его голове догадка, но открыть глаза и оглядеться он не смог – было похоже, что на его лицо налипла влажная занавеска, от которой никак не отклеиться. «Надеюсь, это палата для VIP-персон?» – с надеждой думал Кабанов, с содроганием представляя себе тесную палату, похожую на ночлежку для бездомных, где спертый воздух, скрипучие ржавые койки, куцы, в желтых пятнах простыни и выжившие из ума пациенты... Нельзя было исключать, что его положили именно в такую палату... Нет же, нет! Это маловероятно. Разве не поймут санитары и врачи, с кем имеют дело? Разве не видно, какая тут заложена поднебесная крутизна? Достаточно только мельком взглянуть на Кабанова, на его круглое холеное лицо, роскошные туфли, костюм эксклюзивного пошива, тщательно ухоженные ручечки с золотыми перстнями и отпедикюренные до розовой святости ножечки. Цаца! Чупа-чупсик на золотой палочке!

Наконец наступил момент, когда Кабанов понял, что сознание вернулось к нему в полной мере. Вот только применить его не получалось. Кабанов почувствовал, что руки его связаны за спиной, никак не удастся пошевелить ногами, а рот заполнен какой-то несъедобной дрянью. На глазах была тугая повязка. Кабанов мычал и ворочался, утыкаясь носом в пахнущую подвальной сыростью землю. Его пугали темнота, отсутствие звуков и кладбищенский стылый воздух. Он замычал, извиваясь всем телом. Попытался встать на колени, но живот перевешивал, и мучительно не хватало дополнительной точки опоры. Уж не похоронили ли его заживо? Эта мысль была настолько страшна, что Кабанов утробно замычал и попытался разорвать веревки, которыми были связаны его руки.

И вдруг – нежное прикосновение к его лбу! Повязка сползла с его лица, и Кабанов увидел прямо перед собой наполовину скрытое тенью лицо. Вокруг было сумрачно, единственным источником света была горящая свеча, торчащая из пустой консервной банки, и Кабанов не сразу определил, кто стоит перед ним на корточках, – мужчина или женщина.

– Как от него вкусно пахнет, – раздался хриплый голос, и затененное лицо стало приближаться к щекам Кабанова. – Одеколоном!

В какой-то момент человек выдвинулся из тени, и Кабанов увидел перед собой лицо женщины. Но какое это было лицо! От ужаса Кабанов завопил, и не будь его рот забит кляпом, от этого вопля наверняка бы вылетели его зубы, словно пульки из ствола пневматической винтовки. Над Кабановым, будто осиное гнездо, повис отечный, в красных шишечках нос. Под могучими лохматыми бровями воспаленно слезились узко поставленные глаза. Лоб высотой в два пальца незаметно переходил в давнишнюю лысину, выбритую несиммет-

рично, в большей степени над правым ухом. Над левым же ухом буйно разрослась волосатая путаница. Кончики волос были заплетены в крысинохвостую косичку, с белой тряпочкой на конце. Мочки страшной женщины были проколоты, в одну было продето металлическое кольцо для ключей, а во вторую – медная канцелярская скрепка. Шею незнакомки туго стягивал разлохмаченный шарф, а глубоко декольтированная кофточка открывала отчаянно выступающие ключицы, усыпанные розовыми прыщиками.

Кабанов подумал, что лучше бы его закопали заживо, но одного, в персональной могиле. Он начал извиваться, прессуя животом пол из сырой глины.

– Что ж ты такой нетерпеливый! – захохотала страшная женщина и подобралась ближе к рукам Кабанова, чтобы развязать узлы. При этом ее кофточка и выглядывающие из-под нее ребра оказались как раз над лицом Кабанова. Главный цех армейской прачечной не знал таких запахов, какой снизошел на Кабанова. Ему так скрутило горло, что голова на некоторое время стала существовать как бы отдельно от туловища. Опасаясь, как бы снова не потерять сознание, Кабанов уперся носом в землю, жадно втягивая ее прелый аромат.

Едва женщина развязала ему руки, как Кабанов оттолкнул ее от себя и стал ползком пятиться, но вскоре уперся в холодную земляную стену. Он вырвал изо рта тряпку, отшвырнул ее в сторону и, вращая во все стороны дурными глазами, поинтересовался:

– Где я?!

– В раю! – захихикала женщина и жадно понюхала свои коричневые ладони: – Ах, ах, запах остался... Какой же ты ароматный!

– Да и ты тоже благоухаешь, – пробормотал Кабанов, растирая онемевшие руки.

Только сейчас он заметил еще одного человека, сидящего в темном углу на деревянном ящике. Это был мужчина с лохматой бородой, в черной, потрескавшейся куртке из козья-менителя и в плешивой кроличьей шапке, не по размеру маленькой, невесть как прикрепленной к круглой лысой голове. Карманы его лоснящихся от жира брюк были выпуклыми, словно набиты каштанами.

– Пинжак с него сними! – произнес он с сильным азиатским акцентом.

– Пиджачочек, пожалуйста, – весело попросила страшная женщина и пошевелила кривым, похожим на червя, пальцем.

– Какой еще пиджачочек?! – вскричал Кабанов, с усилием поднимаясь на ноги. Он понял, что его намерены ограбить. – Хватит!! Прекратите!! – громче закричал он, опасаясь, что одним только ограблением преступники могут не ограничиться. – Здесь есть милиция?!

Мужчина нехорошо рассмеялся, и в хохоте его тоже угадывался азиатский акцент.

– Я вместо нее, – сказал он. – Пинжак снимай! Или бесплатно жить тут хочешь?

– Ничего я не хочу! – не на шутку испугался Кабанов. – Как отсюда выйти?

– Только ногами вперед! – делая «козу», ехидно ответила страшная женщина. Она надвигалась на него, шевеля пальцами, и Кабанов с отчаянной силой прижался к земляной стене. Он бил в нее кулаками, выл, отплевывался, но надвигающаяся «коза» была настолько страшна и зловонна, что Кабанов скоро сдался, молниеносно снял пиджак и набросил его на пятнистую голову страшной женщины.

Азиат нетерпеливо дожидался добычи. Страшная женщина, обнюхивая пиджак, как служебная собака на оперативной работе, засемила к азиату, и чем ближе она к нему приближалась, тем сильнее сгибались ее выпуклые коленки. Возле его широко расставленных ног она вообще пошла вприсядку и пресмыкалась перед ним все то время, пока азиат деловито выворачивал карманы пиджака.

Кабанов, наблюдая за этим, пребывал в состоянии, близком к умопомешательству. «Может, я отбросил копыта? – думал он то ли в шутку, то ли всерьез. – И это уже загробное царство?» Как всякий убежденный атеист, он понятия не имел, как будет выглядеть тот чехольчик, который уготован для его души, весело там будет или не очень. Как всякий убеж-

денный атеист, Кабанов считал, что ничего плохого в жизни не совершил, потому что другие вообще наглеют безудержно и им все с рук сходит. А раз так, то надо срочно взять себя в руки и оказать грабителям достойное сопротивление.

Кабанов пошарил руками в темноте и наткнулся на шероховатый древесный столб, подпирающий черный потолок. Вырвать его не удалось, столб стоял насмерть. Тогда Кабанов опустил на корточки и стал шарить под ногами. Тем временем азиат извлек из карманов пиджака связку автомобильных ключей и несколько смятых долларовых купюр. Вообще-то все деньги Кабанов держал в портмоне, которое осталось в машине и, по-видимому, испарилось при взрыве. Эти купюры ему дали на сдачу в казино, и он сунул их в пиджак машинально. К автомобильным ключам азиат проявил слабый интерес и, сняв их с кольца, затолкал в карманы. Кольцо кинул страшной женщине, которая неимоверно обрадовалась подарку и тотчас попыталась пристроить его в своем похожем на кукиш пупке в качестве пирсинга. Доллары азиат сначала разгладил на колене, затем помял как следует, потер друг о дружку, придавая им бархатистость и нежность, и аккуратно порвал на две части каждую. Обрывки он сложил стопочкой и сунул в обвисшие карманы куртки. Напялив пиджак поверх куртки, он осмотрел себя, подергал за обшлага, необыкновенно напоминая цирковую обезьяну.

– Я буду в кабинете, – поставил он в известность страшную женщину, но не успел подняться с ящика, как Кабанов медленно, но размеренно, как асфальтовый каток, двинулся на него.

– Быстро снял пиджак, чурка недоделанный! – громко потребовал Кабанов, давно уверовавший в то, что его внушительная комплекция вызывает у людей чувство страха.

Мало того, что азиат не испугался и ослушался. Он вдруг ловким движением выдернул из-за пояса тонкую заточку из гвоздя и ткнул ею в живот Кабанова. Нападение носило скорее демонстративный характер и не преследовало цели пропороть Кабанову внутренности. И все же Кабанов почувствовал слабый укол, его сразу же бросило в пот, ноги стали ватными, в голове зазвенело, и он едва удержался на ногах.

– Будешь знать, на кого руку поднимать, – нравоучительно заметил азиат, зачем-то вытер заточку о борт пиджака и сунул ее на прежнее место. – Козел ты кизилский!

И сразу как будто забыл про Кабанова. Теряя остатки воли, Кабанов на шатких ногах вернулся на то место, где он пришел в сознание, сел на землю, обхватил колени и мелко задрожал.

– Ты что ж споришь с ним? – испуганно зашипела страшная женщина.

– Я хочу отсюда уйти, – произнес Кабанов. – Где тут выход?

– Нет тут выхода, – ответила страшная женщина и, оттянув край шарфа, стала яростно расчесывать шею грязными ногтями.

– Хватит пургу нести, – пробормотал Кабанов, глядя, как исчезает в глубине темного прохода азиат. – Везде есть выход.

– Везде есть, а здесь нет, – вяло возразила страшная женщина и приложила кольцо к пупку. Полюбовавшись, спросила: – Как ты думаешь, будет держаться, если проколоть иголкой?

Он отвернул лицо, чтобы не так обильно втягивать в себя запах, источаемый страшной женщиной. Она, к счастью, недолго пристраивала кольцо к пупку, потом пробормотала, что ей пора идти на репетицию, и вместе с запахом растворилась в темноте.

Кабанов немного успокоился, и даже мысли обрели относительную стройность и последовательность. Куда ж это его занесло? То ли катакомбы, то ли подвал, то ли землянка. Он сам забрел сюда или же его кто-то притащил?.. Его знобило. Шелковая рубашка стального цвета совсем не хранила тепло, словно была соткана из стеклянных ниток. Брюки стали влажными на ягодицах, в штанины, словно змеи, вползала сырость. Но больше всего неприятностей доставляли выпачканные в глине ладони. Кабанов потер их друг о друга, но глина

лишь глубже впиталась в поры. «Надо выбираться из этой помойки! – подумал он. – И сразу в милицию!»

Он с трудом представил, как будет обращаться к милиционерам с просьбой. Кабанов давно уже ничего ни у кого не просил. Последние годы он только требовал и приказывал. Слесари боялись его, как когда-то боялись его отца. Но отец только молча бил, а Кабанов не бил, но орал, и орал так, что у них кровь застыла в жилах. Милицию Кабанов наследственно ненавидел, но с блюстителями порядка вел себя почтительно – в генах цепко сидел страх перед людьми в погонах. Как им объяснить, что с ним случилось? Они первым делом потребуют у него документы, а документы остались в машине и наверняка сгорели. Начнут выяснять его личность, гонять из кабинета в кабинет... А он будет покорно ходить по коридорам в своих влажных штанах и с грязными руками. Руки надо помыть немедленно! И вычистить ногти – сколько там грязи, инфекции и заразы!

Кабанов приободрился, когда представил, как милиционеры отдубасят дубинками наглого азиата. Пиджак придется оставить. Кабанов под пытками не наденет его снова. Никакая химчистка не изгонит из ткани вонь, чесоточных клещей, вшей, грибки и лишай.

Его подгоняло желание поскорее выбраться из этого бомжатника на свежий воздух. Прикладывая ладонь к глиняной стене, он пошел во мрак, но через три шага уперся в противоположную стену, такую же гладкую и сырую, как и первая. Пол здесь был совсем негодный, мягкий, как пашня. К тому же в углу крепко пахло туалетом. Когда Кабанов осознал, что этот запах означает, подошвы его туфель уже пронзительно чавкали. Кабанов слезно завыл и кинулся назад. Лицо его было жестоко деформировано, словно он только что взсос поцеловался со страшной женщиной.

– Уроды!! – орал он в темноту, ставя ноги шире обычного, как бывалый матрос, привыкший к качке. Руки он тоже развел в стороны и пальцы растопырил. Так, враскоряку, он пошел в темный проем, задевая деревянные столбы, держащие потолок. – Уроды!! Все засрало!! Зарылись в дермо по горло!!

Где-то впереди мерцал тусклый свет, по темным стенам размазывались отблески. Кабанов вышел в комнату, если так можно было назвать неправильной формы нору. По кругу стояло несколько столов, за ними сидели женщины – Кабанову показалось, что их три, но, возможно, их было больше. При тусклом свете свечей женщины вышивали на пальцах. Каждая обхватывала левой рукой раму с натянутой на ней красной тканью и ловко орудовала иглой. Никто из них не обратил на Кабанова внимания. Под низким сводом скапливались запахи немытых тел, тепло от свечного огня и тихое занудное мычание, отдаленно напоминающее пение.

– Как отсюда выйти? – спросил Кабанов, обращаясь ко всем работницам сразу.

Он не удостоился ни ответа, ни взгляда. Только страшная женщина, сидящая за ближайшим к нему столом, искоса глянула на него и свела к переносице безобразно разросшиеся брови. Кабанов схватил за мохлястое плечо ее соседку в сером платке – это была не то усохшая старушка, не то еще не выросшая девочка, но и эта труженица не оторвалась от своего занятия. Пение не прерывалось, даже, напротив, усилилось, и вся нора была наполнена вибрирующими монотонными звуками: «Му-ма-ми-ма. Ма-ма-ми-мо... Бииииии-бизииии...» И то же самое по второму кругу, а потом снова и снова.

Кабанов решил, что они над ним издеваются. Задыхаясь от злости, он огляделся вокруг, словно выбирая, кого бить первой, и увидел небольшую дыру в стене, достаточную для того, чтобы пролезть в нее на четвереньках. Желание убраться отсюда восвояси было сильнее желания раскидать безумных теток по углам, словно тряпичных кукол. Кабанов, трижды плюнув в проход между столами, опустился на четвереньки и полз куда-то в темноту, еще более плотную и зловонную. Встав на ноги неосмотрительно резко, Кабанов ударился темечком о глиняный свод и отколол от свода приличный кусок прессованного песчаника.

Он долго стоял, согнувшись в три погибели и потирая ушибленную голову, пока его глаза привыкали к мраку. Того ничтожного количества света, которое проникало через дыру, хватило, чтобы увидеть похожие на багажные полки двухъярусные нары. Кое-где валялись подозрительного цвета тряпки. С верхних полок свисали тонкие, плоские чулки, залатанные разноцветные носки, еще какие-то серо-желтые лоскуты со сморщенными резиночками, потертыми шовчиками и редкой щетинкой ниточной рвани... Кабанова чуть не стошнило.

– Блин... Что это за херня? – хотел крикнуть он, но его голос прозвучал на удивление глухо и тихо.

Он выполз назад. Пение вдруг прекратилось. Но Кабанов зря понадеялся, что теперь на него обратят внимание. Толстуха с тифозной стрижкой, сидящая в самом темном углу, где свеча уже давно сгорела и превратилась в затвердевшую лужицу, постучала пальцами о стол и сказала:

– Подождите, девочки. Тут лучше поделить на два голоса. Послушайте, я буду петь так... – И задрав вверх комковатый, словно неудавшаяся манная каша, подбородок, она мышинным писком издала: – Бизи-бизи-бизииииии!!! – Быстро перешла на обычный низкий голос: – А вы в это же время чуть пониже: «Му-ма-ми-ма!» Хорошо? Давайте попробуем! И – начали!

Пение возобновилось. Надо сказать, что звуки были достаточно мелодичными, и Толстуха успевала не только звонко пищать, но и ритмично отбивала пальцами такт. Вот только Кабанову никак не удавалось разобрать слов. Впрочем, текст песни вовсе не интересовал нашего несчастного героя. Ему казалось, что эти омерзительные существа издеваются над ним.

– Как отсюда выйти?! – закричал он, пытаясь заглушить звонко-скрипучие голоса. Но не тут-то было! Песня зазвучала с удвоенной силой.

Дабы покончить с этим гнусным театрализованным действием, он схватил за хлипкий ворот халата Полудевочку-Полустарушку, оторвал ее от табурета и, тряся ее, словно шейкер с коктейлем, выдохнул ей прямо в мелкое обезьянье личико:

– Как ты сюда попала?! Быстро говори, а то придушу!!

Стройность пения была нарушена, ритм сломался, голоса пошли вразнобой, а потом и вовсе затихли.

– Не помню, – печально ответило болтающееся в руке Кабанова существо, приторно пахнущее дешевыми карамельками. Суча ручками и ножками, оно добавило: – Пьяная была.

Кабанов разжал руку и оглядел нору в надежде встретить более-менее осмысленный взгляд. Но все вдруг затихло, пригнули головы, и только было слышно, как шуршат иголки: шик-шик-шик.

Кабанов шагнул к Толстухе. Он не стал делать глупой попытки поднять ее за ворот и лишь сдвигал пальцами ее скользкий бугорчатый загривок.

– А я была на празднике, – торопливо заговорила Толстуха, часто моргая, – и там клей нюхала, и экстази кушала, и так радовалась, так радовалась, что даже не заметила, как все вокруг изменилось.

Кабанов отдернул руку от скользкого загривка.

– Так здесь что? Вытрезвитель? – с надеждой спросил он. Наверное, его приняли за пьяного и потому привезли сюда. Если так, то он без труда докажет санитарам, что был оглушен взрывом, а не водкой.

– Ну, вроде вытрезвителя, – ответила страшная женщина, которую, как позже выяснилось, здесь звали Зойка Помойка.

– Только лучше, намного лучше! – добавила Полудевочка-Полустарушка.

– И неужели никто не помнит, как его сюда занесло? – с отчаянием крикнул Кабанов. – Как переодевали? Как мыли?

– А здесь не переодевают. Тут все в своем, – вздохнула Зойка Помойка, прокалывая иголкой ткань.

– Лично я сам сюда пришел, – вдруг донесся откуда-то снизу сиплый мужской голос.

Кабанов огляделся, но вокруг были только женщины.

– Проснулся? – ласково заговорила Полудевочка-Полустарушка тем размягченным и растянутым голосом, каким говорят с любимыми животными. Она встала из-за стола и тотчас опустилась на корточки. – Не спится, бедолага?

– Не спится, – буркнул кто-то из-под стола. – Все думаю о прошлом.

– Может, покушаешь? Ты уже совсем ничего не ешь. На-ка! – Она сунула руку в карман халата и вынула оттуда горсть чего-то похожего на крупные семечки.

Кабанов с брезгливым страхом приблизился к столу и тоже опустился на корточки. Не сразу он увидел тощего, снежно-бледного старика в красной вязаной шапочке, надвинутой на самые брови. На сморщенной, как у черепахи, шее был повязан красный ситцевый платок. Старик нехотя понюхал то, что лежало в ладони Полудевочки-Полустарушки, вяло, по-собачьи куснул, используя не столько губы, сколько язык.

– Кушай, кушай, хорошенький мой, – ласково приговаривала Полудевочка-Полустарушка.

– Была б охота на него «Вискас» переводить, – проворчала Толстуха.

– Так он смешной, – умиленным голосом ответила Полудевочка-Полустарушка, глядя старика по шапочке.

Медленно разжевывая твердые комочки, старик обратил свой взгляд на Кабанова.

– А вот я сам сюда пришел, – произнес он медленно, и взгляд его, пронзив Кабанова, сфокусировался где-то в далеком прошлом, которым, кажется, старик гордился. – У меня спросили: хочешь быть великим и богатым? Я говорю: хочу, хочу, хочу!!! – Он сделал паузу, вздохнул и еще раз лизнул ладонь кормилицы. – Сначала меня везли на машине, очень громко играла музыка. Потом мне дали очень вкусный напиток, на бутылочной этикетке восход солнца был нарисован... Потом показали фильм с голыми женщинами... И тогда мне сказали: иди и властвуй!

– Ну, дальше! – нетерпеливо воскликнул Кабанов. – И ты пошел. И как ты это сделал? Где эта дверь?

– А дверей здесь нет. Зачем нам двери? – пожал угловатым плечом старик.

– Хватит, солнышко мое, хватит! – сказала Полудевочка-Полустарушка, высыпая в карман оставшийся корм. – А то у тебя снова понос будет. – Она повернулась к Кабанову. – Хорошенький, правда? Это наш бывший Командор.

– Бывший? – переспросил Кабанов. – А кто настоящий?

– Как кто... – не поднимая головы, откликнулась Зойка Помойка. – Тот, кому ты пиджачок подарил.

– Азиат, что ли? – воскликнул Кабанов.

Женщины зашипели и склонили головы. Кабанов закрипел зубами от злости и жажды драки. Так этот чебурек неотесанный – начальник этого загаженного вытрезвителя? Кому доверили судьбы людей?

– Где он? – воинственно крикнул Кабанов и, смахнув Полудевочку-Полустарушку с табурета, схватил его за ножку и поднял над головой.

– В своем кабинете, – выдал кто-то, но кто именно – выяснить было невозможно.

Кабанов ринулся в темный коридор, пиная ногами стены, чтобы по звуку найти дверь кабинета. То, что азиат оказался не каким-нибудь отпетым мошенником, а должностным лицом, придавало Кабанову храбрости. Должностное лицо, каким бы негодяйским оно ни было, все-таки иногда придерживается норм цивилизованного общества. Значит, его можно убедить в том, что Кабанов попал сюда случайно.

От удара ногой вдруг гулко загремела железная дверь. Кабанов на ощупь попытался найти ручку, но дверь была совершенно гладкой, без каких-либо выступающих деталей. Он ударил по ней еще раз, потом двинул табуретом.

Лязгнул засов, и дверь широко распахнулась. Кабанову, чтобы не получить по физиономии, пришлось отскочить назад. На пороге стоял азиат. Он по-прежнему был в кабановском пиджаке, надетом поверх куртки. Рукав пониже локтя уже был выпачкан в чем-то жирном. Командор вытрезвителя заслонял собой почти весь дверной проем, и все же Кабанов увидел сумрачную комнату с необыкновенно высоким потолком, посреди которого темнела крышка продолговатого люка. Через потолочные щели проникали тонкие лучи света, и пылинки делали их похожими на длинные мутные сосульки. Вдоль стен, обшитых рубероидом, были раскиданы грязные подушки, а дальний угол был даже застелен протертой ковровой дорожкой. Но самая разительная особенность «кабинета» заключалась в том, что здесь, как показалось Кабанову, был чистый и свежий, как горный родник, воздух. У Кабанова даже голова закружилась, и желание вырваться на свободу стало просто неконтролируемым.

— Выводи меня отсюда, пока я тебе башку не проломил! — распаляя в себе буйную агрессию, закричал Кабанов и вскинул табурет.

Командор ничего не сказал и протянул руку к лицу Кабанова. Зря Кабанов в этот миг глубоко вздохнул. Раздалось шипение, и вместе с чистым и свежим, как горный родник, воздухом в легкие Кабанова попала струя нервно-паралитического газа. Дыхание перехватило, глаза обожгло острой болью. Потеряв ориентацию во времени и пространстве, Кабанов машинально шагнул вперед, и тотчас табурет обрушился ему на голову...

Глава 3

Даже если это был бы всего лишь кошмарный сон, его повторение Кабанов вряд ли бы выдержал. Но, на его бездонную беду, все происходило в реальности. И он снова открыл глаза, и снова увидел подпирающие низкий глиняный свод бревна, и ящик, и блики свечей на холодных влажных стенах... Он не захотел верить в эту реальность, вскочил на ноги, но удар табуреткой повредил настройки вестибулярного аппарата, и Кабанова повело. Он оперся о стену и застонал. Потом принялся колотить по ней кулаками.

– Отпустите меня!! Отпустите!! – стонал он, понимая, что готов заплакать.

Опоганенные туфли скользили по удобренному полу, и Кабанов, боясь упасть, пошел к ящику. Он полагал, что это почетное место, своеобразный трон, на котором восседает Командор. Но, приблизившись к ящику, Кабанов почувствовал, что плотность запаха усиливается и что ящик мало пригоден для обычного сидения – посреди, на самой сидушке, не хватало одной рейки. И тогда Кабанов понял, что это место действительно почетное: это персональный унитаз Командора. И Кабанов взвыл с новой силой, ткнулся лбом в холодную стену.

– Я хочу домо-о-о-о-ой...

Мужество, если когда-либо присутствовало в его дородном теле, покинуло его. Как человек, страдающий клаустрофобией, Кабанов кинулся в темноту, вглядываясь в нее безумными глазами, ударился о невидимую стену, свернул куда-то, устремился вниз, в черный зев узкой штольни, там споткнулся о кучу песка и упал.

– Где я? Где я? – бормотал он, ползая по песку и не видя ничего.

Могильная темнота окружала его. Кабанов решил, что сам себя похоронил, издал душераздирающий вопль и принялся скрести ногтями любую твердую преграду, которая оказывалась перед ним. Ему было так страшно, как никогда раньше. Он метался из стороны в сторону, натываясь на шершавые неровные стены, бился головой о низкий песчаный свод, и песок уже скрипел у него на зубах, уже наждачил его слепые глаза, и вот-вот разорвалось бы в его груди сердце, если бы вдруг где-то впереди не блеснул огонек. Кабанов с воплем кинулся к нему, на короткое время застрял в штольне, но вырвался вместе с комками сырого песка и едва не снес Зойку Помойку. Страшная женщина держала в руке свечу и с душевной улыбкой смотрела в безумные глаза Кабанова.

– Ты что ж это? Заблудился? – журчала она голоском.

– Там... я... потерял выход... – тяжело дыша, бормотал Кабанов, хватаясь за руки женщины и озираясь на страшный зев штольни. – Темно... ничего не видно...

– А там у нас песчаный карьер. Там мы добываем наше главное природное богатство... Ох ты, бедненький! Тут поначалу все путаются. А потом ходят с широко поднятой головой!

Кабанов дрожал и заикался. Он все еще хватал за руки Зойку Помойку, и она представлялась ему добрым, давным-давно знакомым, почти родным человеком.

– Я не хочу... – бормотал он, – ходить... с широко поднятой... Мне надо домой...

– Домой? – усмехнулась Зойка Помойка. – А ты разве не дома? Пойдем-ка, поспишь немножко. Кровати у тебя своей нет, но, так и быть, полежи на моей...

Кабанов не возражал, не сопротивлялся. Он не слишком хорошо понимал, что говорила ему эта пахучая женщина, но доверялся ей, и его главной заботой было не остаться снова одному в кромешной тьме. Держа Зойку Помойку под локоть, словно слепой своего поводыря, он зашел в нору, где женщины по-прежнему вышивали и тянули свою «ма-му-ми-му», и сейчас это помещение показалось ему необыкновенно светлым, уютным и обжитым. Зойка Помойка подтолкнула Кабанова к Полудевочке-Полустарушке.

– Глянь-ка, что у него с головой?

Полудевочка-Полустарушка проворно вскочила на табурет, поковырялась тоненьким пальчиком в его волосах, как делают обезьянки, отыскивая друг у друга вши, потом плюнула Кабанову на темечко и растерла пальчиком.

– До свадьбы заживет, – пискляво заверила она и лукаво взглянула на Зойку Помойку.

Сдерживая позыв рвоты, Кабанов кивком поблагодарил врачевательницу и последовал за Зойкой в спальню. Зойка проскользнула в нее, словно хорек в свою нору, поставила свечу в пустую консервную банку и сгребла с верхней полки кучу тряпья.

– Ложись! – скомандовала она, похлопывая по засаленным доскам. – А туфли можешь не снимать.

– Они в говне, – признался Кабанов.

– Ну и ладно! – махнула рукой Зойка Помойка. – Песком ототрется.

Кабанов не без труда забрался на полку, вытянул ноги, раскинул руки и расслабился. Но едва он прикрыл глаза, как ему снова стало страшно. Он схватил Зойку Помойку, которая стояла рядом, за плечо.

– Ты здесь?

– Здесь, здесь, конечно, – успокоила она. – Ты спи, а я вышивать пойду.

– Ты там будешь? Никуда не уйдешь?

– Там, конечно. Куда я денусь? Спи, не бойся.

Оставшись один, Кабанов некоторое время прислушивался к доносящемуся пению. Эти звуки успокаивали его, внушали нечто доброе и незыблемое. Он смотрел на глиняный потолок, на который изредка ложился отблеск свечей. Потом он услышал, как кто-то ворочается под ним, ярусом ниже. Свесив голову, Кабанов увидел Бывшего Командора. Старик, натянув шапочку на глаза, тяжело вздыхал, расчесывал крючковатыми пальцами впалые щеки, гремел о доски костлявыми ногами.

– Эй! – позвал его Кабанов. – Старик!

Но Бывший либо не услышал его, либо поленился отвечать. Кабанов снова расслабился на полке и пришел к неожиданному выводу, что, несмотря на весь бытовой ужас этого вытрезвителя, тут, на нарах, вполне удобно и даже ничуть не жестко, а значит, можно хорошо выспаться. С этой мыслью, собственно, он и уснул...

Кабанов не знал, как долго он спал. Временами сон его становился чутким, поверхностным. То у него затекала рука, то он вдруг начал зябнуть и неосознанно шарил по доскам в поисках одеяла. Нащупал ворох тряпок и, не открывая глаз, потянул их на себя. От запаха, который тряпки издавали, у Кабанова закладывало нос, но лишь на время. Привыкая к запаху, он переставал его замечать, а тряпки худо-бедно согревали.

Проснулся он окончательно от оживленного гомона. Сердце его сразу наполнилось тревогой и проворно заколотилось. Кабанов огляделся, увидел сырые стены, плавно переходящие в низкий свод, засаленные нары, развешенное на веревках тряпье, и пробудившаяся тошнота снова подкатила к горлу. «Как я опустил! – подумал он. – Увидела бы меня жена!»

Мысль о жене, тонкой и изящной, как елочная Снегурочка, красавице Ольге, появилась спонтанно и тотчас обожгла сознание невыносимой тоской. «Прочь, прочь отсюда!!» Кабанов посмотрел вниз. Старика не было, вместо него на досках темнело большое пятно, очертаниями похожее на Аляску. Кабанов сполз вниз, наполненный предчувствием радикальных перемен. Может быть, всех обитателей выписывают? Женщины, оживленно переговариваясь, торопливо заканчивали работу с пальцами, сматывали нитки, втыкали иголки в поролоновые подушечки. Старик, покашливая, бродил между столов, давал какие-то советы, но его никто не слушал. В черноте прохода угадывался мрачный силуэт азиата. Пламя свечей придавало его лицу зловеще-красный оттенок.

– Поторапливаемся, девочки! Поторапливаемся! – еще больше заводил он суету. – Срочный заказ!

Первой из мастерской выскочила Толстуха. Командор потрепал ее по щечке и вручил лопату. Следом за ней орудие труда получила Зойка Помойка. Самая большая лопата, совковая, досталась Полудевочке-Полустарушке. С трудом взвалив ее на плечо, невесомое существо строевым шагом удалилось в темноту.

Командор протянул лопату Кабанову и выжидающе уставился на него.

– Что это? – не понял Кабанов.

– Лопату не узнаешь, крокодил ты калифорнийский? – ответил Командор. – Быстро взял и пошел песок грузить!

– Песок грузить? – криво ухмыльнулся Кабанов. – Нет, дружбан, это слишком большая честь для меня.

– Как хочешь, – не стал настаивать Командор. – Но запомни: кто не работает, тот не кушает.

И он растворился в темноте. Кабанова, однако, заинтересовал этот неожиданный аврал. Он справедливо полагал, что песок, коль был кем-то заказан, должен проделать путь из могильного карьера на свободу. Кабанов сел на стул Толстухи, откуда хорошо просматривался коридор, и стал поглядывать за трудовым процессом. Сам карьер он видеть не мог, лишь слышал доносящиеся оттуда радостные возгласы да дружный скрежет лопат. Но спустя несколько минут из штольни вышли Зойка Помойка и Полудевочка-Полустарушка с носилками в руках. Пригибаясь под тяжестью песка, они прошли по коридору и, к удивлению Кабанова, занесли носилки в кабинет Командора. Вышли они оттуда с опорожненными носилками и снова внедрились в черный зев штольни. «Они высыпают песок в его кабинете?» – с сомнением подумал Кабанов, но и во второй раз, и в третий, и в десятый история с носилками повторилась. Женщины без передышки таскали песок в комнату, огороженную от коридора железной дверью.

И вдруг Кабанов явственно услышал гул мотора, доносящийся из кабинета. Лязгало, скрежетало железо, вращались шестеренки какого-то механизма. Потом откуда-то сверху донесся грохот, словно упал и завибрировал большой лист железа. Женщины в это время по-собачьи звонко и переливисто пели. Лопаты, словно ружья, были составлены в пирамиду. Минут через пять мотор утих, и песчаные работы возобновились.

«Наверняка песок при помощи лебедки поднимают наверх, – думал Кабанов. – И вся эта механизация установлена в кабинете азиата».

Пользуясь тем, что Бывший бродит между штольней и кабинетом, мешая работающим женщинам, Кабанов осмотрел швейную мастерскую, порылся на столах и под ними. Он сам точно не знал, что хочет найти. Может быть, какой-нибудь острый предмет, подходящий для роли оружия. Может, какую-нибудь еду. Последнее, что он ел, это был монастырский гювеч. Сколько прошло с тех пор времени, Кабанов не знал, но голод давал знать о себе все сильнее. Ко всему еще его мучила жажда. Но на столах ничего не было, кроме швейных принадлежностей и красных лоскутков ткани. На углу каждого стола лежала готовая продукция. Кабанов с удивлением увидел, что все женщины вышивали одно и то же: аляповатое изображение Иисуса Христа. Вымпелы с его изображением были отделаны бахромой и веревочкой для подвешивания. Одни были помельче, другие покрупнее.

В дальнем углу мастерской Кабанов обнаружил сколоченный из табуреток и листа фанеры низкий столик, на котором стояла керосиновая плитка да несколько гнутых алюминиевых кастрюль и сковородок с налипшим на них песком. Никакой еды Кабанов не нашел, но если бы нашел, скажем, жареную куриную ногу, не стал бы ее кушать даже под угрозой смерти. Во всяком случае, ему так казалось.

Совершенно случайно он наткнулся на источник воды. У стола, за которым работала Толстуха, стоял эмалированный бак с погнутой крышкой. Когда Кабанов приподнял ее, то уловил запах ржавчины и болотца. Вода была теплой, видимо, нагретой объемным крупом

Толстухи – бак с водой она использовала в качестве табуретки. Возможно, таким способом она следила за экономным расходом воды. Стоило Кабанову представить, как Толстуха расставляет ноги пошире, приподнимает юбку и водружается на бак, как чувство жажды тотчас прошло. Поборов брезгливость, Кабанов помыл в баке руки, а потом вытер их об рубашку.

С горящей свечой он заполз в спальню. Здешний воздух снова напомнил Кабанову о своей особенности – по вкусовой насыщенности и консистенции он напоминал протухший кисель. Кабанов стал дышать ртом. Опустившись на четвереньки, он первым делом заглянул под нары и увидел аккуратные ямки, похожие на те, какие вырывают животные семейства кошачьих, чтобы отправить естественные надобности. Каждая ямка была прикрыта тряпчковой или газеткой. Разумеется, Кабанов сразу предположил худшее (впрочем, почему худшее? Скорее, типичное). Но на сей раз он ошибся. В ямках хранилось вовсе не то, о чем он подумал. Там лежали продукты. Бульонные кубики, макароны, супы быстрого приготовления, обгрызенные и раскрошенные кусочки хлеба, печенье, конфеты. В одной из ямок Кабанов увидел половинку шоколадного батончика, причем край его был не откушен, а гладко слизан, как у мороженого. В какой-то ямке продуктов было больше, в какой-то меньше, но, в принципе, набор был один и тот же.

Кабанов долго колебался, прислушиваясь к своим чувствам и оценивая, что сильнее: чувство голода или брезгливость. Брезгливость снова победила, и он не посягнул ни на печенье, ни на конфеты.

Ничего более интересного Кабанов не обнаружил, кроме немыслимого количества тряпичной рвани, из которой, по-видимому, женщины шили себе простыни и одеяла. Углубленное исследование бытовых нор привело Кабанова в состояние глубочайшего уныния. «Довольно! – подумал он. – Пора и честь знать. Нехорошо так долго пользоваться добротой людей, приютивших меня!»

Снова заполучить струю нервно-паралитического газа ему не хотелось, и Кабанов решил в корне поменять тактику действий. Он полагал, что азиат обязательно должен быть падок на лесть и, как всякий мелкий начальник, размякать от угодничества. Работа в карьере тем временем подошла к концу. Женщины, шатаясь от усталости, вернулись в мастерскую, на входе которой стоял Бывший и собирал мзду. Кабанов заметил, что каждая труженица держала в руке небольшой пакет с продуктовым набором и какими-то дешевыми безделушками: платочками, блокнотиками, карандашами. Полудевочка-Полустарушка дала Бывшему упаковку мятных таблеток. Зойка Помойка – восьмушку черного хлеба. Толстуха хоть и поворчала, что ей надоело кормить дармоеда, но все-таки отсыпала ему в ладонь немного заварки. Затем женщины расселись за свои столы и, воровато оглядываясь друг на друга, стали разбирать заработанные сокровища. Полудевочка-Полустарушка немедленно принялась поедать карамельки, а фантики тщательно разгладила и сложила стопочкой. Толстуха к заработанному угощению отнеслась с равнодушием, с кислой физиономией рассмотрела пакет, даже не высыпав его содержимое на стол. Зойка Помойка выменяла на карамельки у Полудевочки-Полустарушки шариковую авторучку, тотчас разобрала ее, извлекла пружинку и ввинтила ее в мочку уха.

Бывший, забравшись под стол Зойки Помойки, затолкал за щеку горсть мятных таблеток, затем присыпал хлеб заваркой и стал жадно поедать его. Заглушая его чавканье, женщины затянули свою песню. Они были усталыми, но довольными. Умиротворенное счастье угадывалось в их сгорбленных позах. Вскоре Полудевочка-Полустарушка уснула, уткнувшись лбом в стол. Зойка Помойка взялась за пальцы и стала вышивать ухо. Ухо получалось слишком большим и отвислым, но Зойка не обращала на это внимания – должно быть, уверенность в завтрашнем дне ей внушал увесистый пакет и новенькая сверкающая пружинка в ее мочке. Толстуха взялась стряпать. Она наполнила кастрюлю водой и пошла по столам собирать бульонные кубики и макароны. Остановившись подле Кабанова, Толстуха выжи-

дающе посмотрела на него, затем заглянула в кастрюлю, где медленно растворялись три кубика, и сказала:

– Ну? И долго мы будем так стоять?

– Я за него сдам! – неожиданно заявила Зойка Помойка, расковыривая ногтем упаковку кубика и кидая желтый брикет в кастрюлю.

Только теперь Кабанов понял, что он включен в число тех, кто будет допущен к поеданию супа. Промедление было смерти подобно. Прижав ладонь к губам, он немедленно вышел из мастерской. В железную дверь он постучал тихо и робко и изобразил на лице жалкую просящую улыбку. Видимо, раболепие было заложено в кабановских генах, потому как в роль просителя он вошел легко и гармонично.

Дверь, однако, никто не открыл. Кабанов постучал сильнее, на тот случай, если Командор впал в послеобеденную сиесту.

– Чего надо? – вдруг раздался его голос откуда-то из темноты коридора.

Кабанов сделал несколько шагов по коридору, следуя на запах как на свет маяка, и увидел Командора сидящим на ящике. В руке у него были тщательно помятые обрывки долларов. Рассматривая портрет президента, Командор старательно кряхтел.

– Чего тебе? – еще раз спросил он.

Кабанов, по своей наивности полагая, что это не самое удобное место и время для серьезного разговора, промолчал.

– Кушать хочешь? – по-своему расценил молчание Кабанова Командор. – А я ведь тебя предупреждал!

– Послушай, отпусти меня, – очень душевно, очень искренне попросил Кабанов; просьба его вытекала из самых глубинных пластов души, она была выстрадана, вымучена.

Командор вздохнул и с вдумчивым видом использовал президента.

– Не могу, – ответил он, застегивая штаны.

– Почему?! – надрывно спросил Кабанов. – Если ты меня отпустишь, я тебя щедро отблагодарю. Я принесу тебе доллары... – Кабанов осекся и поправился: – Или какую-нибудь другую бумагу. Ты скажи, что тебе нужно, и я тебе все принесу.

– А у меня все есть, – махнул рукой Командор и направился к своей железной двери. Он вынул из кармана большой ключ, похожий на штопор, и загнал его в замочную скважину. Широко распахнул дверь, показывая тем, что позволяет Кабанову зайти.

– Зачем я тебе нужен? – продолжал умолять Кабанов. – Отпусти меня. Я чужой для вас. Я вообще не из этих мест...

– А кто работать будет? Я?.. – усмехнулся Командор, садясь на пол, застеленный рваным ковром, и откидываясь на подушку. – Да отсюда и не уйдешь.

И Командор поднял глаза к потолку, под которым на железных тросах висела платформа размером с приличный стол, которую Кабанов в прошлый раз принял за крышку люка.

– А если меня на ней поднять наверх? – предложил Кабанов, не понимая, в чем проблема.

– Так управление сверху, – ответил Командор, глядя на платформу, словно на солнце. – Когда захочет – поднимет, когда захочет – опустит.

– Кто захочет? – не понял Кабанов.

– Бог, – совершенно серьезно ответил Командор и сложил перед грудью ладони. – Он дает нам хлеб и воду. Он заботится о нас и любит нас.

– Какая же это забота? – горячо зашептал Кабанов, приближаясь к Командору. – По горло в дерьмо уже зарылись! Когда он нас отсюда выпустит?

– Никогда, – ответил Командор удивленно. – А зачем нас выпускать? Нам и здесь хорошо. У нас все есть. Природные ископаемые. Еда. Работа.

– Ты что? – зашептал Кабанов. – Ты что говоришь? Это же подвал! Тут хуже, чем в тюрьме!! Как можно здесь жить?

– Мы тут уже долго живем, – невозмутимо ответил Командор. Глаза его сузились, превратившись в щелочки. – Всем нравится. Никто не жалуется...

Рука Командора медленно заползала под подушку. Голос становился приглушенным, невыразительным, будто он исполнял колыбельную песню. Но Кабанов вовремя почувствовал неладное. Он едва успел пригнуться, как над его головой просвистела кочерга.

– Я тебе покажу тюрьму!! – закричал Командор, вскакивая на ноги и размахивая кочергой.

Кабанов кинулся к двери, но Командор ошутимо приложился к его плечу. Кабанову показалось, что у него хрустнули кости. Увиливая от новых ударов, он сослепу налетел на дверную коробку и ударился об нее лбом. Обезумев от боли, Кабанов уподобился затравленному зверю и кинулся туда, где было темнее всего, – в штольню. Его ноги увязли в рыхлом песке, и он упал.

Зловонная яма, набитая психопатами! Клоака! Канализационный сток! Кабанов замычал от боли и в бессильной ярости принялся лупить кулаками по песку. Кто его сюда упрятал? За какие такие грехи? А кто взорвал его машину?.. Ага, вот с чего все началось! С того, что на воздух взлетел его роскошный «Мерседес»! Кабанова хотели убить, но с первого раза это не удалось сделать, и тогда его кинули в эту яму! И здесь он должен сгнить заживо, сойти с ума, подохнуть от голода и жажды!

Кабанов выбрался из штольни и кинулся в мастерскую, наполненную мяукающими звуками и приторным запахом химического бульона.

– Вы сумасшедшие!! Вы идиотки!! – кричал Кабанов, мечась по мастерской и задевая столы. – Зачем вы тут сидите?! Что вы поете?! Это дурдом!! Вы сами не понимаете, что это дурдом!!

Он задел ногой столик, и керосиновая плитка, на которой кипела кастрюля с бульоном, упала на пол. Душный пар устремился к потолку. Полудевочка-Полустарушка заверещала тонким голоском. Толстуха упала на стол грудью, закрывая собой стопку готовых вымпелов. Зойка Помойка, бормоча что-то несвязное, пыталась поймать Кабанова. На пол полетел стол Полудевочки-Полустарушки, горячий свечной стеарин плеснул в лицо Кабанову. Тот, взревев от боли, принялся крушить все подряд. Ему под ноги попала источающая пар кастрюля; она с грохотом покатилась по полу, и в этот момент на нее наступил невесть откуда взявшийся Бывший. Не удержавшись, старик повалился на пол, попутно увлекая за собой Зою. С лязгом, который способна издать разве что боевая машина пехоты, упал эмалированный бак, и нагретая телом Толстухи вода выплеснулась на горячую голову Кабанова. Полудевочка-Полустарушка зашлась в истерике. Бывший выронил вставные зубы и искусственный глаз; грязно матерясь, он шарил костлявыми ладонями по разжиженному полу. Толстуха, схватив в охапку свою готовую продукцию, кинулась с нею в коридор и попутно наступила на лицо Кабанова, скользкое от стеарина, как обмылок, и Толстуха непременно упала бы со всеми вытекающими последствиями, если бы ее вовремя не подхватил Командор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.